

УДК 66.2

С.Я. Ковганов

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Рассматривается содержание безопасности как социального явления с использованием культурологического подхода для преодоления кризисного состояния теории безопасности. Деятельностный подход в определении содержания культуры позволяет дать определение безопасности как деятельности. Взаимосвязь и взаимозависимость культуры и безопасности позволяют по-новому взглянуть на угрозы этим важным социальным явлениям со стороны современных глобальных геополитических процессов.

Ключевые слова: культура, безопасность, геополитика, экстремизм.

Безопасность как социальное явление возникает и развивается с возникновением и развитием социальной сферы как осознание необходимости противодействия опасностям и угрозам существования человеческих общностей. Современные попытки осмысления феномена безопасности и управления этим процессом сталкиваются с трудностью определения содержания такого многопланового и многоаспектного явления, как безопасность. Кризисное состояние отечественной и зарубежной теории безопасности может быть преодолено более глубоким проникновением в сущность предмета, пониманием содержания процесса формирования этого явления и определения факторов, оказывающих на это влияние.

Представляется, что преодоление указанных трудностей возможно в процессе обращения к такой научной дисциплине, как культурология. Теория культуры содержит концепции, которые позволяют раскрыть безопасность как социальное явление. К числу таких концепций можно отнести деятельностный подход в трактовке содержания культуры. «Изучение истории общества сквозь призму понятия “способ деятельности”, позволяет абстрагировать вполне определенный культурный срез, элементами которого выступает комплекс внебиологически выработанных средств; благодаря им действия людей особым образом стимулируются, программируются, воспроизводятся. ... Этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды» [1. С. 8, 9].

Теория безопасности может сопрягаться с данной концепцией через категорию «интерес». Реализация интереса невозможна без определения цели, путей её реализации и обеспечения, т.е. деятельности. В социальной сфере деятельность составляет содержание всех общественно-истори-

ческих процессов и реализуется не в системе причинно-следственной (каузальной) логики, а в логике целей и результатов (телеологической), что позволяет констатировать: опасности в социальной сфере – суть не объективные процессы окружающего мира, а отсутствие у нас знаний о них, дефицит средств и методов нашей деятельности.

Человечество с самого начала существует в чуждом для себя окружающем мире, а механизмом обеспечения этого существования становится культура. Представляется обоснованным замечание А.П. Назаретяна, что «качественные инновации возникали не там и тогда, где и когда климат становился суровее, но, напротив, в климатически благоприятных зонах, где концентрировались стада гоминид и обострялась конкуренция, успешные конкуренты приобретали такой опыт там, где происходила концентрация стад, сопоставимых по интеллектуальным и операционным возможностям» [2. С. 141–142]. В данном случае безопасность можно определить как организацию деятельности по предупреждению энтропийных процессов в социальных системах. Представляется, что деятельность можно рассматривать как содержание безопасности, а культуру – как механизм её организации, единственный, способный противостоять этим процессам.

Взаимосвязь деятельности и культуры носит программный характер. Следует отметить, что «любое основание деятельности, претендующее на истинность, должно быть выявлено как определенное содержание (суб)культуры соответствующей группы людей. Любая потребность человека для того, чтобы превратиться в реальную деятельность, должна стать некоторой программой производственной деятельности, записанной в (суб)культуре» [3. С. 54]. Подтверждение этого можно найти у Ю.М. Лотмана, который определял культуру как «совокупность всей ненаследственной информации, способов её организации и хра-

нения» [4. С. 5–6], что соответствует информационным и семиотическим концепциям культуры. Таким образом, выбранные нами концепции теории культуры дают возможность определить содержание такого сложного явления, как безопасность, выявить взаимосвязь культуры и безопасности и получить возможность анализа социокультурных процессов, их влияния на безопасность различных уровней.

Интенсивные глобальные изменения, обусловленные, прежде всего, системным кризисом индустриального общества, распадом СССР и мировой системы социализма, которые М. Кастельс называет кризисом капитализма и этатизма с их последующей реструктуризацией [5], определили появление новых геополитических тенденций. Первая из них основана на попытке конструкции мирового политического пространства с позиции одного центра, с использованием одного полюса, проявляется через американское доминирование в решении важных международных проблем, прежде всего с использованием военно-силовых форм. Современный уровень развития Запада, наличие транснациональных и международных институтов, созданных и развиваемых при участии западных стран, позволяет ему достаточно эффективно воздействовать на остальной мир и обеспечивает ключевые позиции в экспансии на рынки других стран, в управлении потоками технологий, сырья и инвестиций; в контроле международной информационной среды, в формировании соответствующих зон производства в глобальных масштабах. Сегодня активно реорганизуются и находят практическое применение военные институты такой политики. Активно развивается культурная экспансия Запада. Разрушение биполярной геополитической модели позволило политикам Запада заявить о победе в холодной войне, а отдельным западным философам констатировать «конец истории» [6], обеспеченный всеобщей победой модерна. Политически подобная идеология оформляется как попытка решения глобальных проблем по сценарию так называемого золотого миллиарда, объединяющего развитые страны Запада, который предусматривает аккумуляцию глобальных ресурсов в пользу развития этих стран, а решение нарастающих глобальных проблем за счет остальных государств мира. Идеологическое обеспечение подобной политики предусматривает жесткую критику с позиции западных стандартов в отношении культур традиционного мира, прежде всего мира ислама.

Вторая тенденция также отчасти обусловлена постбиполярной глобальной реструктуризацией и

включает в себя процесс формирования региональных геополитических центров. Здесь уместно назвать, прежде всего, таких субъектов региональной геополитики, как Китай и Индия, которые активно соперничают не только между собой, но и с США, и со своими ближайшими соседями. В рамках этой тенденции демонстрируют свою активность Иран и Пакистан как динамично развивающиеся страны исламского мира. На постсоветском пространстве роль регионального геополитического лидера традиционно играет Россия. Процессы формирования политики противостояния США идут и на латиноамериканском субконтиненте. В определенной степени объединенная Европа также стремится интегрировать континент как один из региональных центров мировой геополитической структуры, важную роль в этих процессах играет национальная культура как эталон и как механизм национальной идентичности.

По мнению отечественных и зарубежных исследователей [7, 8], всё это сопровождается интенсивным ростом разнообразия культур, их активным становлением в качестве субъектов исторического развития, что может рассматриваться как процесс, «который резко интенсифицирует динамику межкультурных отношений (стремительный рост информационных и товарных потоков, рост мегаполисов, формирование многомиллионных диаспор)» [8. С. 16]. Некоторые национальные культуры (особенно со значительной традиционной составляющей), являясь составной частью локальных цивилизаций, испытывают сильнейшее давление как на фоне глобальных процессов постиндустриального характера, так и непосредственно со стороны государств, составляющих цивилизацию Запада, и, прежде всего, со стороны США. Их попытки движения к традиционализму можно рассматривать как сопротивление «вестернизации».

Подобное структурирование современных геополитических сил достаточно объективно, и определяющими в его формировании можно рассматривать четыре блока глобальных проблем: геоэкономические, геополитические, геосоциальные и геокультурные. Включение, участие или реакция на эти процессы различны, они формируются в рамках двух направлений: глобализации и фундаментализма. Содержание первого – отыскание путей постиндустриального развития; второго – попытки восстановить «статус-кво» или осуществить возврат к архаике, традиционному обществу, к диктатуре традиционных ценностей. Глобализация развивается в рамках двух вышеназванных моделей «однополярного» и «многопо-

лярного» мирового устройства. Объективно это невозможно без унификации, универсализации и интеграции экономики, политики и социальной жизни. Однако конструкторы «однополярной» модели стремятся осуществить это с позиций глобальной «вестернизации», на одной для всех западной социокультурной основе, при преобладающей роли США, то есть реализовать унификацию через нивелировку цивилизационного содержания различных регионов планеты, что, безусловно, представляет угрозу глобальной безопасности, прежде всего в связи с субъектоцентризмом стран Запада. Устройство же «многополярной» модели возможно только при глобальной интеграции – конкуренции различных социокультурных основ, свойственных соответствующим цивилизациям, которые формировались в процессе их исторического опыта и могут реализовать задачи универсализации и унификации через совершенствование организационной структуры международных отношений, т.е. своеобразного диалога культур различных цивилизационных полюсов. К числу таких социокультурных «полюсов» можно отнести Россию на пространстве СНГ, Китай, Индию, отчасти Японию и Южную Корею, Турцию, некоторые страны Ближнего Востока и Пакистан, а в Латинской Америке – Бразилию и Венесуэлу.

Фундаментализм в качестве ответа на глобальные вызовы различного характера предполагает одну модель – модель самоизоляции с сохранением и ужесточением архаичных традиций любой ценой. Страны Запада стремятся, с одной стороны, использовать потенциал фундаментализма в борьбе с «многополярным» миром, а, с другой стороны, силой пресечь экстремистскую реакцию фундаментализма на «вестернизацию».

Логика экспансии и победа в «холодной войне» способствовали заметному упрощению стратегического мышления западных политиков. Непредвзятый политический анализ позволяет заметить, что сторонники «однополярного» геополитического устройства и экономического глобализма с позиции западной цивилизации не ограничивают себя в выборе средств и способов их применения. Политика «двойных стандартов» в оценке политических событий и фактов провоцирует вседозволенность, создает атмосферу нигилистического отношения к международному праву в вопросах политического урегулирования. В рамках этой политики некоторые страны Запада активно сотрудничают не только с государствами, для политики которых характерна определенная приверженность к экстремизму, но и с некоторыми негосударственными радикальными организация-

ми. Подобная политическая практика является питательной средой международного терроризма, делает его угрозой многомерной, устойчивой и охватывающей все большее политическое пространство планеты. Следует отметить, что характер политического поведения стран Запада в той или иной мере основан на особенностях их цивилизационного развития, на социокультурных принципах их политической жизни. К числу таких принципов следует отнести: технологическое отношение к миру, свободу в принятии решений; формирование политики, исходя из практической оценки ситуации; атомарно-номиналистическое социальное устройство.

Принцип технологического отношения к миру сформировался в рамках европейской цивилизации в преддверии индустриального развития в эпоху Возрождения. Именно тогда у европейского человека возникло ощущение, что мир устроен неправильно, что человеку ничего в нем не гарантировано изначально, и потому он вправе сам о себе позаботиться и использовать для этого любые средства. Указанный принцип выступает в двух разновидностях: технологического отношения к природе, естественной среде и технологического отношения к обществу, к социальной среде. В рамках указанного принципа было создано достаточно универсальное средство его реализации – европейская инструментальная наука. Политическим содержанием данного принципа является сколь угодно допустимое разнообразие средств достижения политической цели и их подчиненность этому, следствием чего явилось освобождение политики от морали, а науки – от нравственно-религиозных ограничений. К числу издержек данного принципа следует отнести беспринципность, цинизм, эксплуатацию низменных качеств индивидуумов, понижение статуса человека в системе социальных технологий до уровня вещи, средства, используемого в зависимости от политической целесообразности.

Принцип свободы в принятии решений стал, в том числе, результатом кризиса католицизма в процессе Реформации. В рамках исторического опыта Запада сформировалось современное содержание этого принципа: во-первых, конъюнктурный политический интерес стал преобладать над объективностью и, во-вторых, в политике активную роль начинает играть механизм убеждения (веры), заслоняя рациональные соображения, поскольку объективность в этом случае не главное. Наблюдается парадокс: отделив церковь от государства, западные политики не отделили политику от веры. Она должна воодушевлять, мобилизовать

политическую активность, хотя и в нерелигиозных формах. Отсюда налицо реализация политической (в том числе и международной) конъюнктуры посредством формирования необходимых (часто ложных) представлений, особенно при возросшей динамике современных СМИ. И если в рамках внутринационального политического ареала негативное содержание принципа несколько минимизируется исторически сформированными социальными механизмами, то во внешней политике он используется Западом без ограничений, в том числе и в форме информационно-психологической войны.

Структура и содержание политики Запада формируются в соответствии с вышеописанными целями и традициями. Отсюда востребованность идеологии неоконсерватизма, которая декларирует необходимость расширения индивидуальных свобод, ограничения государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и активизацию рыночных отношений. Крупнейшим корпорациям идеология неоконсервативной глобализации позволяет реально избежать налоговых обложений, контроля со стороны национальных демократических институтов, дает возможность сокращения программ социального обеспечения, создание новых центров власти, формирования удобных для них хозяйственных отношений на глобальном уровне. Сегодня деятельность по изменению глобального экономического пространства начинает выходить из-под диктата экономически развитых государств. Транснациональные корпорации и международные финансовые центры все самостоятельнее и активнее участвуют в формировании институционально-правового пространства нового экономического порядка, а международные группы средств массовой информации обеспечивают пропагандистскую сторону этого процесса, активно формируя общественное мнение.

Помимо формирования анклавной модернизации и вестернизации отдельных слоев населения, что влечет за собой достаточно жесткую стратификацию западных обществ и маргинализацию значительной части населения стран так называемого третьего мира, глобализация по западному образцу в процессе переноса индустриальных производств в страны «юга» «пролетаризирует» население этих регионов. С зарождением там рабочего движения в междивизиационные отноше-

ния вносится мощный импульс классового противостояния на глобальном уровне, содержание которого достаточно точно и полно раскрыто в марксизме.

Таким образом, «однополярное» развитие может иметь негативную перспективу для планетарного будущего, позитивной альтернативой которому может быть только взаимодействие мировых цивилизаций и различных регионов, включенных в их состав. Американский исследователь В. Ковалис справедливо отмечает, что в настоящее время «универсальное уже не может быть концептуализировано в рамках лишь какой-либо одной традиции» [Цит. по: 7. С. 17]. Наиболее авторитетные экономисты акцентируют типологию общественных систем не на экономических, а на их интеллектуальных и культурных особенностях [9. С. 174]. Все это указывает на необходимость выработки механизмов интеграции культур в рамках мирового пространства, определения особенностей формирования границ их отношений и сотрудничества, которые могли бы сделать глобальную безопасность более органичным процессом. Сегодня в условиях глобализации два процесса оказывают влияние на региональное развитие: вовлеченность региона в международное разделение труда и отстаивание им своей культурной идентичности. Практически достаточно часто региональные конфликты обуславливаются именно этими процессами, оказывая прямое влияние на формирование региональной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркарян Э.С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур // Методологические проблемы этнических культур. Ереван, 1978.
2. Назаретан А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2005.
3. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997.
4. Лотман Ю.И. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.
5. Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000.
6. Фукуяма Ф. Конец истории // Философия истории: Антология. М., 1998.
7. Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность // Мировая экономика и международные отношения (МЭ и МО). 2002. № 1.
8. Бэттлер А. Контурь мира в первой половине XXI века и чуть дальше // МЭ и МО, 2002. № 1.
9. Рац М.В. и др. Концепция обеспечения безопасности. М.: Касталь, 1995.